

А. П. Горшков

ПРИКАЗАНО: ВЫСТОЯТЬ!

*Записки командира
Тульского рабочего полка*

Анатолий Горшков

Приказано: выстоять!

«Selfpub.ru»

2016

Горшков А. П.

Приказано: выстоять! / А. П. Горшков — «Selfpub.ru»,
2016

Генерал-майор в отставке Анатолий Петрович Горшков был первым командиром Тульского рабочего полка. Его воспоминания о подвиге туляков, дополненные рассказами участников тех суровых боев, легли в основу этой книги. В ней нет вымышленных действующих лиц, все ее герои — реальные люди, грудью вставшие в годы Великой Отечественной войны на защиту Родины. Книга посвящена светлой памяти туляков и адресована молодежи, тем, кому умножать подвиги отцов и дедов.

Содержание

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!	5
Почетный гражданин города-героя Тулы и Тульской области генерал-майор В.П.Лебедев	6
Глава I	7
ГЛАВА II	15
ГЛАВА III	22
ГЛАВА IV	33
«Майору т. Горшкову А. П.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!

Туляки гордятся тем, что их родной город носит звание Городагероя, что это был первый город, который не смогли взять немецкие войска в 1941 году, но плохо ориентируются в истории обороны и в лучшем случае вспоминают Тульский рабочий полк.

Возникает вопрос – почему роль сотрудников НКВД в обороне Тулы упоминается иногда и вскользь? Есть ответ и на этот вопрос. После смерти И. В. Сталина, разоблачения его культа личности, расстрела Л. П. Берии, последующие хрущевские гонения на НКВД в целом не давали возможности через печать правдиво рассказать о подвигах воинов-чекистов. Чиновники от печати, особенно на местах, стараясь перестраховаться и не отстать от новых веяний, не допускали к печати все, где упоминалась аббревиатура «НКВД». Для них все были равны: ежовские палачи, и разведчики, ежечасно рисковавшие жизнью в тылу врага, и бойцы войск НКВД, закрывавшие собой прорванные врагом фронты, как было не только в Туле, но и в Сталинграде. С новой силой это продолжилось в горбачевско-ельцинские времена вплоть до последнего времени, что подтверждается большим количеством кинофильмов, литературных и прочих произведений, где негативно отражается 74-летний советский период нашей истории и менталитет советского человека. А про то, что писалось, показывалось и говорилось про НКВД и КГБ, и говорить нечего.

Этим объясняется тот факт, что воспоминания А. П. Горшкова о Тульском рабочем полке, о создании органами НКВД истребительных батальонов вышли незадолго до его смерти в 1985 году и местами напоминают исповедь человека, который сделал это слишком поздно, хотя и по не зависящим от него причинам.

Очень жаль, что некоторые чиновники, имея смутное представление об истории обороны Тулы, разными способами тиражируют свои и чужие заблуждения.

Хочу дать один совет: без воспоминаний об обороне Тулы Председателя городского комитета обороны В. Г. Жаворонкова и первого командира Тульского рабочего полка капитана НКВД А. П. Горшкова всякие «труды» на эту тему теряют смысл, дезориентируют читателей и «льют воду» на мельницу «переписывателей» истории государства Российского.

Много лет ветераны и сотрудники Тульского управления ФСБ боролись за восстановление исторической справедливости. Их борьба увенчалась успехом. В Кремлевском сквере 7 мая 2015 года, в год 70-летия победы Советского народа в Великой Отечественной войне был открыт памятник и зажжен Вечный огонь в честь сотрудников органов безопасности, партизан, бойцов разведывательных групп и истребительных батальонов, принимавших участие в обороне Тулы осенью-зимой 1941 года. Одна из фигур памятника делалась с портрета А. П. Горшкова.

Идея переиздать книгу воспоминаний А. П. Горшкова «Приказано: выстоять! Записки командира Тульского рабочего полка» появилась во время подготовки к изданию книги «Победители», посвященной 75-летию разгрома немецких войск под Москвой и Тулой. Она была поддержана губернатором Тульской области А. Г. Дюминым, благодаря усилиям которого А. П. Горшкову присвоено звание Героя Российской Федерации за мужество и героизм, проявленные при обороне города Тулы от немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Отдавая дань уважения авторскому коллективу, помогавшему А. П. Горшкову в создании книги, при ее переиздании была полностью сохранена графика и выходные данные первого издания 1985 года. Надеюсь, что эта книга станет пособием по патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

Почетный гражданин города-героя Тулы и Тульской области генерал-майор В.П.Лебедев ОТ АВТОРА

Эта книга – первая и, пожалуй, единственная в моей жизни. Я не писатель, а профессиональный военный, и моим делом была защита Родины. Война застала меня в Москве, в Главном управлении пограничных войск, где я тогда служил. В июле сорок первого года получил назначение в Управление НКВД по Тульской области. Возглавил отдел, который занимался организацией и руководством истребительными батальонами, партизанскими отрядами, диверсионно-разведывательной работой в тылу врага.

Постановлением Тульского городского комитета обороны 23 октября 1941 года был утвержден командиром рабочего полка, сформированного в невероятно короткий срок – за четыре дня. Он стал одной из тех немногих частей, которые первыми приняли на себя удар танков Гудериана. Об истребительных батальонах, о Тульском рабочем полке мой рассказ. О людях, которые стали его костяком, о рабочем классе Тулы, о силе партийного руководства обороной города, о тех безымянных героях, которые сложили головы у стен родного дома, не пустив врага дальше, на Москву. О Красной Армии, с воинами которой плечом к плечу мы выстояли в лихую годину гитлеровского нашествия.

В полку не велся архив, и многие героические страницы обороны Тулы остались лишь в нашей памяти – свидетелей и участников тех грозных событий сорок первого года. Куда бы ни забрасывала потом меня судьба – на Брянский фронт, где был заместителем начальника штаба партизанского движения, в Белоруссию, в Югославию, куда был послан заместителем начальника военной миссии, на мирные стройки, где пришлось работать после Победы, — все эти годы я ощущал долг перед воинами рабочего полка, перед подвигом, который они совершили. Потому и решил написать книгу, рассказать в ней, как сражались, как выстояли, как побеждали туляки. Не все сохранила память, о многом напомнили мне письма и встречи с ветеранами Тульского рабочего полка. Приношу глубокую благодарность А. В. Калиновскому, А. А. Елисееву, Н. И. Журило, А. Т. Алексееву, Б. М. Сосонкину, П. Д. Шишкину, С. И. Марухину, Е. Н. Паньшиной, И. Д. Васильеву, А. А. Тимофееву, Г. А. Чепурному, моим большим друзьям-косогорцам и многим другим, кто помог в работе над книгой.

– Искренне благодарен журналисту Василию Михайловичу Карпию, который не только сделал литературную запись моих воспоминаний, но и провел вместе со мной большую исследовательскую работу по восстановлению хронологии событий сорок первого года, по поиску людей, создавших бессмертную славу полка.

Эта книга – память о грозных событиях, о туляках, любовь к которым я пронесу через всю жизнь.

Глава I

...До сих пор помню прикосновение стетоскопа к груди и заключение старого врача, который, выбив дробь пальцами у меня на спине, сказал:

– Вашему здоровью позавидует любой. Куда желаете? В какой род войск?

– Вон в ту дверь желает, – не дал мне ответить военком и показал в дальний конец коридора. – В номер семнадцатый. Мы к этому молодцу давно приглядываемся...

Признаться, я не понял последней реплики военкома. Пошел. У двери на стульях сидели три моих ровесника. Что нас ждало за этой таинственной дверью, мы не знали, а те, кто выходил из комнаты, улыбались загадочно и неопределенно.

– Горшков Анатолий Петрович? – молодой загорелый человек, сидя за столом, внимательно оглядел меня.

– Так точно, – по-уставному ответил я.

– Расскажите о себе.

Что я мог рассказать? Детство прошло в деревне, у бабушки. Изба наша стояла на пригорке у Москвы-реки, на окраине села Ново-Покров Гжатского уезда Смоленской области. К девяти годам я уже умел многое: деревенские мужики охотно делились со мной секретами работы. Вozил на поля навоз, бороновал землю, жал серпом рожь, дергал лен... Бабушка была бобылка, земли своей не имела, батрачила у помещицы Епишкиной. Вышла замуж за пастуха. Жилось трудно, и пришлось деду моему пойти на отхожий промысел в Москву. Приняли его половым в трактир. Когда подросли дети – мама моя и дядя Михаил, забрал их в Москву, чтобы пристроить к делу.

Мама оказалась способной ученицей швей-белошвейки на фабрике Прохорова (в будущем знаменитой «Трехгорки») и вскоре стала хорошей мастерицей. Замуж вышла за московского мещанина портновского цеха (было и такое сословие) Петра Васильевича Калошина, который вскоре «выбилcя в люди» – стал писемоводителем.

В 1908 году, 9 мая, родился я, нареченный Анатолием. В Москве жизнь становилась все тяжелей, и бабушка через два года вернулась в деревню, забрав с собой и меня. Пять лет я прожил в деревне, там пошел в школу. После смерти отца мама вышла замуж за железнодорожного телеграфиста Алексея Федотовича Горшкова. С этого времени я снова в Москве. Жили мы в трех километрах от Белорусского вокзала, ездили в разные села менять вещи на продукты, когда голод хозяйничал в городе. Потом поступил в замечательное по тому времени мануфактурно-текстильное училище имени Декабрьского вооруженного восстания 1905 года, готовившее рабочих для «Трехгорки» и других текстильных фабрик. 1 марта 1924 года вступил в комсомол.

Гравер-накатчик – эту профессию я получил в училище. Работал на фабрике им. Свердлова в Хамовниках, затем вернулся на «Трехгорку». Здесь меня избрали председателем культмассовой комиссии фабкома, а позже назначили... директором Дома культуры фабрики.

В апреле 1930 года в Краснопресненском райкоме партии мне вручили партийный билет. Я стал коммунистом.

И вот – призыв в Красную Армию.

...Разговор был недолгим. Политрук школы младшего комсостава, который приехал в Москву, чтобы набрать курсантов, времени зря не терял. По его вопросам я понял, что он знает мою короткую биографию едва ли не лучше, чем я сам. На его предложение стать пограничником ответил утвердительно. Понятие о службе на границе я имел весьма возвышенное и героическое.

...Эшелон стоял в двух километрах от Ярославского вокзала. На каждой теплушке – надпись: 40 человек или 8 лошадей. Шум, говор, звуки гармошек, песни провожающих и над всем этим высокий чистый девичий голос: «Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты...»

Пробился к своему вагону. Там уже стояли в неровном строю мои будущие сослуживцы. Политрук быстро провел переключку и разрешил попрощаться с близкими. Я вернулся к матери. Она тихонько погладила меня по щеке:

– Колючий... Уже мужчина. Как быстро ты вырос, сынок! – в ее голосе было сожаление, удивление, гордость... – Только береги себя, там, Толя.

Я улыбнулся и погладил ее по голове.

– Приготовиться к погрузке! – пронеслось вдоль эшелона, и эта команда словно вдохнула новые силы в обессиленное и притихшее было веселье.

Мама заплакала. Кто-то несмело дернул меня за рукав. Рядом стояла Тамара.

– Я давно тут, – она опустила глаза. – Только подойти боялась. Перехватило горло, и стало трудно дышать. Я смотрел в ее серые глаза и жадно искал ответ на единственный свой вопрос: «Будешь ждать?»

– Буду! – сказала она, угадав мою тревогу.

– По вагонам!

Молча обнял мать, тихонько притянул к себе Тамару, поцеловал ее в теплые темные волосы и побежал к своим. Длинная армейская шинель, подаренная соседом, била по ногам, и было такое ощущение, что кто-то хватается за сапоги, не отпуская из настоящего в будущее.

...И вот эшелон, бойко отстукивая колесами, погромыхая на стрелках, окутался паром и дымом, выбрался из Москвы на дорогу, протянувшуюся через всю страну. Быстро улеглась суматоха, вызванная проводами, и мы начали обживать теплушку. Политрук подождал, пока устроимся на своих местах, потом зычным голосом скомандовал:

– Стройся! Будем назначать дневальных. Так началась моя служба.

Дальние путешествия... Кто в детстве и юности не мечтал о них? Кому не снились синие моря, паруса, трепещущие на ветру, неведомые страны? Но чем взрослее становился, тем реальнее смотрел на мир, тем глуше отдавалась в душе боль от неутоленной жажды познания мира, который лежал за пределами Москвы. Время примиряет нас с потерей детских надежд и планов.

Эта поездка была как подарок. Долгие дни и ночи под перестук колес мчал нас поезд по стране. Жухлые, выгоревшие под солнцем степи, темные леса, серебристые ленты рек, глубокие ущелья... Станции, полустанки, разъезды... Как в огромном калейдоскопе менялись пейзажи за дверью нашей теплушки.

С каждым днем дом отодвигался все дальше и дальше, но я с удивлением замечал, что это меня почти не трогает. В душе поднималось незнакомое, не испытанное мной ранее большое чувство ко всему, что видел. Это была и гордость, и удивление перед величием нашей страны, и ощущение собственной причастности к ней, к ее судьбе, и сомнение: «Смогу ли защищать вот эти деревни, поля, леса, реки, если вдруг возникнет в том необходимость? Не дрогну ли?» Эти вопросы не рождались сами собой, они приходили после бесед политрука, сопровождавшего нас. Он рассказывал о заставах, о границе, о пограничниках, и наше воображение рисовало удивительных людей.

В Хабаровск приехали утром. Жаль было расставаться с теплушкой – за дни дороги она стала для нас домом, обжитым и по-своему уютным. Но и безделье нам, рабочим людям, уже изрядно надоело. Сходили в баню, получили форму, поставили нас на довольствие, выдали оружие – винтовку, клинок. Все было ново, все в диковинку. Но уж совсем растерялись, когда за каждым из нас закрепили лошадь. Добрым словом тогда вспомнил я деревенскую свою жизнь, кузнеца, который приучал меня обхождению с лошадьми. И потому подошел к своему Вихрю почти без опаски.

Хорошее дело – дисциплина. Я быстро втянулся в размеренный армейский ритм, с его почти аскетической целесообразностью, подчинением каждой минуты делу. Строевая подготовка, изучение уставов, рубка лозы – сначала на коне, идущем шагом, потом рысью, галопом, мытье казармы, дежурство на кухне, стрельба, политзанятия... Я похудел, окреп. Ничто не омрачало моей службы, вот только писем от Тамары не было. Впрочем, эта неизвестность длилась недолго. Перед отъездом из полковой школы младшего командного состава на практику на заставы я получил письмо от матери, которое все разъяснило: «Вышла Тамара замуж. Видать, не пара ты ей».

Больно стало мне от этой вести, больно и горько. Но служба не дает надолго замыкаться в своем горе. А вскоре сбылось мое желание: я получил назначение на пограничную заставу.

...Конец февраля 1931 года на Дальнем Востоке был теплым. Снег быстро сошел, но ночью подмораживало, лужи затягивало ледком. Во всем чувствовалась близкая весна.

На заставе нам были рады, как бывают рады новым людям лишь пограничники. Суровая служба, наряды, отрезанность от городов и сел накладывают свой отпечаток на жизнь заставы. И потому каждого нового человека здесь встречают как дорогого гостя.

Сразу же после обеда получил приказ готовиться к ночному наряду. Остались позади долгие дни военной учебы и теперь лишь несколько часов отделяли меня от события, которого я так долго ждал.

– Кто здесь Горшков? – подошел к нам коренастый крепкий пограничник.

– Пойдем со мной, – и он зашагал к казарме.

Я поравнялся с ним. Он окинул меня взглядом исподлобья, шумно вздохнул и сказал:

– Парамонов я. Проводник собаки. В наряд с тобой пойдем.

И вот мы уже стоим по стойке «смирно», а начальник заставы говорит глуховатым голосом: «Приказываю выступить на охрану границы Союза Советских Социалистических Республик. Вид наряда...» Мы вышли за ворота заставы. Джек обнюхал меня и быстро признал своим.

– Застава – наш левый фланг, – объяснял мне на ходу Парамонов, – вон те сопки – правый фланг. Туда сейчас и пойдем.

После всех разговоров о границе, после многодневного ожидания выхода в дозор я чувствовал себя, как натянутая струна. Слышал шорох листьев, шуршание полевых мышей под ними, звон ручейка, бегущего где-то недалеко от нас, дыхание Парамонова, мягкое шлепанье Джека.

И вдруг – шорох! Он был не из этого, ставшего вдруг привычным и понятным мне мира. Я тронул Парамонова за плечо: «Кто-то идет...» Он остановился, прислушался. Глянул на собаку, та – на него.

– Показалось тебе, – сказал и пошел дальше.

Прошли мы еще немного, и я уже отчетливо слышу: кто-то крадется навстречу. Собака повела носом и потянула в сторону, откуда слышался шорох.

– Перережем дорогу, – сказал Парамонов. – Они пойдут по ней.

Мы проскочили густой кустарник, залегли. Тела я почти не чувствовал, лишь сердце колотилось в груди. В серебристом свете луны увидели человека. За ним шел другой, третий, четвертый, пятый... Пять!

– Спокойно, Толя, спокойно, – прошептал мне вдруг Парамонов. – Мы возьмем их, только не суетись.

Станным образом, но шепот этот меня мгновенно отрезвил.

И вот уже нарушители в трех метрах от нас.

– Стой! – Парамонов вскакивает, и, словно спущенная пружина, рядом с ним промелькнула наша собака. Реакция нарушителей была мгновенной: поворот и врассыпную назад к границе.

– Фас! – Джек метнулся к ближайшему беглецу. Парамонов вскинул винтовку и выстрелил над головами нарушителей. Крик того, на которого бросилась наша собака, выстрелы охладили пыл беглецов, и они поспешно выстроились на дороге. Все произошло настолько быстро, что я не успел даже ощутить азарта задержания...

– Руки за голову! Не двигаться! – Парамонов спокойно и уверенно руководил задержанными. – Стань у них сзади, – кивнул он мне. – В случае сопротивления, попытки к бегству стреляй без предупреждения.

Но стрелять мне не пришлось. Мы услышали дробь копыт лошадей группы пограничников, идущей нам на помощь. Передали своим товарищам нарушителей и вновь углубились в кустарник – срок наряда не кончился. Вернулись мы на заставу, преисполненные гордости, собственного достоинства, старательно скрывая свою радость под маской напускной усталости и спокойствия. Особенно трудно это удавалось мне – первый наряд, и вот на тебе – задержание!

Крепился недолго и, едва остался со своими одногодками, такими же новичками, как и я, куда девалось мое спокойствие. Рассказывал намного дольше, чем длилось само задержание, и, наверное, так и не смог бы уйти от этой темы, но меня позвал Парамонов:

– Пошли, поглядишь на свою работу.

В комнате дежурного на лавке сидели пятеро нарушителей. Они несли через границу шелк.

– Видал, каких красивых птичек взяли? – засмеялся начальник заставы. – Молодец, Горшков. Хорошо начинаешь!

И я вдруг понял совершенно отчетливо: не смогу больше без границы...

А ровно через год после начала службы был в Благовещенске. Только шинель на мне была уже командирская и петлицы украшали два «кубаря». Прибыл я на стажировку в кавалерийский пограничный отряд.

– Займетесь одним мелким служащим железной дороги, – я внимательно слушал начальника группы, в которую меня зачислили. – Аккуратно является на работу, золото не моет нигде, но в магазин торгсина ходит два раза в неделю – сдает «металл». Нужно узнать, откуда он у него.

Магазины торгсина были организованы для тех, кто имел драгоценности и хотел обменять их на дефицитные товары. Но сюда шли и те, у кого сохранились алмазы, золото, серебро от богатых родственников, и те, кто утаил золото на прииске или добыл его, нарушая государственную монополию.

Несколько дней издали присматривался я к своему «подопечному». Пальтецо потертое, потухшие глаза, осунувшееся лицо рано постаревшего человека. Два раза в неделю появлялся он в магазине, вынимал гильзу патрона и, вытащив пробку из нее, высыпал на весы несколько граммов желтого металла. Получал взамен продукты и торопливо уходил. Значит, было у него золото. Откуда? Сколько? Я мог строить какие угодно предположения, но где то, единственно верное? Пришлось детально заняться прошлым этого человека. Выяснилась одна любопытная деталь – до революции он работал у золотопромышленника в лаборатории. Наворовал тогда еще, а теперь понемногу меняет? Нашел забытое или спрятанное?

– Ни для ареста, ни для допроса у нас нет оснований, – охладил мой пыл начальник группы. – А поговорить с человеком можешь. Все в жизни бывает... Но безоговорочно записывать кого-то в преступники мы не имеем права, пока не будет на то бесспорных доказательств.

И вот этот человек передо мной. Робкие движения, присел на краешек стула, мнет фуражку. До золота добрались быстро.

– Под окном я его и беру.

– Как под окном? – опешил я.

– Под окном. Когда работал в лаборатории, имел дело с пробами породы. Поисковые партии присылали нам по несколько мешков песка, а мы определяли, есть в нем золото или нет. Пробу сделаем, а остальной песок высыпали во двор. Потом революция, лабораторию закрыли. Но жить-то надо. Я и подумал, что в той куче песка золото есть. Немного, но есть. Решил, что буду мыть его. И себе польза, и Советской власти.

– Почему не заявили?

– Я же ничего противозаконного не делал.

– Придется проверить.

Четыре дня с двумя красноармейцами я промывал песок. И положил на стол начальника группы увесистый мешочек. Пять тысяч граммов золота было в нем.

– Дело провели вы четко, – начальник похлопал по мешочку. – А за золото – спасибо...

Вернувшись в Хабаровск, я сдал экзамен на «отлично», в подарок от начальника Управления пограничных войск Василия Васильевича Чернышева получил именной пистолет. Из нашего набора лишь двоим – мне и Баранову – предложили остаться на границе.

Я написал рапорт и попросился в Благовещенск. Просьбу мою удовлетворили.

В Благовещенске меня ждали. Ждали товарищи по службе. Ждала Тоня. Не мог я уже представить свою жизнь без ее чуточку удивленных серых глаз, милого лица, которое словно освещала всегда добрая и спокойная улыбка...

...Мерно отстукивал километр за километром поезд. Я дремал, прислонившись к стенке вагона. На душе было спокойно. Вот и определилась моя судьба. Нежданно, негаданно, за тысячи километров от дома, нашел себе дело в жизни. Настоящее, мужское дело – защищать Родину.

В отряде встретили меня как своего. Быстро устроился с жильем и тут же приступил к работе. Тоню увидел лишь на третий день. Работала она в бухгалтерии нашей столовой, встретились мы с ней случайно.

– Вы здесь... – тихо сказала она, увидев меня.

– Да. Не смог без вас, – попытался пошутить я, но шутки не получилось. Тоня глядела на меня серьезно. – Буду служить здесь.

– Я рада, – просто сказала она. – Выберите время, приходите к нам пить чай.

– Я уже выбрал. Сегодня можно?

– Быстрый вы, – она засмеялась. – Но уж раз пригласила... Небольшой деревянный домик на другом конце Благовещенска.

Чистота и уют в нем. Впервые остро ощутил, как отвык от домашнего тепла, покоя, тишины. Мама Тони – Татьяна Никифоровна – встретила меня с той располагающей русской простотой, которая дает почувствовать себя своим человеком даже в чужой семье. С этими двумя женщинами мне было удивительно хорошо. Родом мои новые знакомые оказались из Крапивны Тульской области.

...Меня направили в группу Зенкевича, опытного, знающего пограничника, участника гражданской войны. Занималась эта группа делом Волошина. Я уже слышал о Волошине, который вел ожесточенную борьбу против Советской власти. Но переходил ли нашу границу, никто не знал, его ни разу не задержали. А вот людей, которых он засылал к нам, арестовывали.

При переходе границы взяли Пименова, «легенда» которого быстро рухнула. Выяснилось, что он был послан для связи с организацией из амурских казаков, ставящих целью свержение Советской власти на Амуре. Руководил ими из Харбина бывший белогвардейский офицер Волошин. Арестовали и двух заговорщиков из местных казаков. Эти простые, бесхитростные люди быстро во всем признались, раскаялись, согласились нам помочь.

Вскоре Зенкевич знал обо всем, что происходило в подпольной организации. Можно было приступить к ее ликвидации, но тут кому-то пришла в голову мысль: «А не вырвать ли у змеи жало? Не вызвать ли из-за границы Волошина и взять его?»

– Товарищи, – заместитель начальника погранотряда Варивода медленно прошагивал по кабинету, – главное сейчас – Волошин. От имени заговорщиков нам удалось его вызвать сюда. Брать будем на нашей территории. Думаю, о важности этого задержания говорить не стоит. Детали операции – у Зенкевича.

Зенкевич четко и ясно указал каждому из нас место засады, распределил, кто кого из заговорщиков будет задерживать сразу же после ареста Волошина. Я слушал его и понимал: свадьба, которую мы с Тоней назначали через три дня, в воскресенье, срывается.

На следующий день я был уже на заставе. Последнее совещание проводил Зенкевич.

– К задержанию все готово. Наряды предупреждены, проход сделан. С Волошиным придут еще двое. Выделяем три группы. В первой, ударной, буду я сам, мы будем брать Волошина с людьми. Две другие группы – страхующие. Один из бывших заговорщиков помогает нам – он и выведет всех в нужный район.

Вечером мы сидели в горнице маленькой теплой избы неподалеку от нужной нам ложины. Едва стемнело, надели полушубки, маскхалаты и двинулись по глубокому снегу. Залегли. Впереди – группа по захвату Волошина, левее от нас – вторая страхующая группа. Тихо. Лишь изредка из деревни долетал лай собаки да потрескивали деревья на морозе. Лежать пришлось долго. Холод сковывал тело.

В три часа ночи мы услышали шаги. Район задержания был выбран точно – Волошин уже успокоился, граница осталась позади, и грозная команда Зенкевича «Стой! Руки вверх!» застигла трех нарушителей врасплох.

Возвращаясь на заставу, я испытывал даже легкое разочарование: матерый враг, мастер стрельбы, отличный борец и так просто был взят.

– За службу всех благодарю, – Зенкевич, стоя перед строем нашей группы, подводил итоги операции. – Сработали все звенья отлично.

А потом мы возвращались в розвальнях в Благовещенск. Зенкевич лежал в одних санях с нами, молодыми командирами, отслужившими на границе лишь по несколько месяцев, и говорил:

– Вот вы расстроились, что тихо так вышло. Без стрельбы, без погони, без крови. А я рад, что все живы. В этом и заключается высшее мастерство пограничника – взять врага, перехитрить его, обезвредить и вернуться домой...

Заговорщиков брали на следующую ночь. Аресты провели одновременно во всех деревнях, где были члены контрреволюционной организации. Никто из них не ожидал такого оборота дела и потому сопротивления не оказывал.

Наконец, я смог увидаться с Тоней. В ее глазах было столько тревоги, нежности, заботы, что поспешил ее успокоить:

– Все хорошо, все целы.

Она обняла меня и заплакала.

Шли дни за днями, где были допросы, очные ставки, оформление документов. И вот наступил тот день, когда мог пойти в гости к Тоне. Теперь уже ничто не сможет отменить нашу свадьбу. Она будет в ближайшее воскресенье.

Но я был все еще слишком самонадеян: слишком мало прослужил на границе. Ночью меня подняли по тревоге: сбежал Верзила. Так мы звали между собой ярого антисоветчика Михайлова. Пока наша группа занималась Волошиным, другая взяла Верзилу. Это был огромный человек, сутулый, с тяжелым и мрачным взглядом из-под полуопущенных век. Бывший офицер царской армии, он не раз переходил границу и оставался неуловимым. Но

вот взяли и его. Поместили в штабе, у дверей комнаты поставили часового. А ночью меня разбудил связной:

– Вас – к Вариводе. Михайлов ушел...

Когда я прибежал в комнату Вариводы, тот, покачиваясь с носка на каблук, стоял перед часовым:

– Видал орла? Заснул на посту. Марш на гауптвахту! Он повернулся ко мне:

– Я в штабе сейчас один. Ты первый подросел. Глянь, куда он мог уйти, а я соберу людей...

Я осмотрел все возможные пути выхода из штаба. Михайлов мог уйти по лестнице на чердак, оттуда через слуховое окно на крышу, с крыши по ветвям перелезть на дерево, оттуда спуститься на землю. И – поминай как звали!

Я вернулся в комнату Вариводы. Здесь уже было полно народу. Доложил свои наблюдения.

– Берите собак, живым или мертвым, но Михайлова надо взять.

...Я глянул на часы. Прошло уже 36 минут, как мы бежали. Собака ровно и уверенно вела нас по следу. Нам повезло, что Михайлов ушел ночью, и следы его никто не затоптал. Они вели нас через город, по набережной, по чистому полю.

– Придержи собаку, – попросил я на бегу проводника.

Силы надо беречь.

Сапоги, галифе намокли, потяжелели. Бежать становилось все труднее. Во рту пересохло. На окраине села, далеко за Благовещенском, решили передохнуть. Нас было трое. Остальные отстали по дороге.

– Мы возьмем его, – успокоил меня проводник. – Днем он через границу не сунется, а до ночи – догоним.

– Хорошо бы. Пора!

И вновь собака тянула нас ровно и настойчиво. Кусты, овраги, мелкий подлесок... Я сбросил шинель и шапку. Бежать стало легче. Выскочив на опушку леса, мы увидели два сарая для сена. И тут наша собака зарычала, шерсть у нее поднялась дыбом.

– Спокойно, Елена, спокойно, – успокаивал ее проводник, но она рвалась к сараям.

Михайлова мы взяли на чердаке одного из сараев. Оружия у него не было, сил сопротивляться тоже.

Назад возвращались на двух подводах. Я лежал на сене, блаженно вытянув ноги, стараясь не пропустить тот овраг, где оставил шинель. В ту ночь и утро мы пробежали почти два десятка километров.

Встречал нас Комаров, командир из погранотряда.

– За службу спасибо, молодцы, – и он обнял каждого из нас. Михайлова увели.

– Зайди ко мне, – кивнул он мне. Я выпил три кружки воды и пошел. Комаров меня сразу же, с порога озадачил:

– В Москве давно был? Домой хочешь?

– Больше двух лет мать не видел...

– Вот и решили мы тебя в столицу командировать за отличную службу. Задание у тебя будет не совсем обычное: вручить красноармейскую книжку, форму и шашку секретарю ЦК партии Павлу Петровичу Постышеву. Здесь, на Дальнем Востоке, он участвовал в революционной борьбе. Вот и избрали мы его Почетным пограничником. Выезд – завтра.

– Как завтра? – ахнул я. – А Тоня?.. Свадьба же у меня.

– С Тоней сам поговорю. Вернешься – три дня дадим.

Весь день я боялся попасть на глаза моей невесте. И все же она нашла меня сама.

– Я все понимаю, Толя. Служба... Маме своей привет передавай. Я буду ждать...

Я понял тогда, что офицерской женой, наверное, надо родиться. А потом была дорога, Москва с ее перезвоном трамваев, шумом площадей, огромным строительством. Мама в первый миг меня не узнала, а потом, ахнув, всплеснула руками и села: ноги ее не держали.

...Через день я был в приемной Постышева, волновался, конечно.

– Товарищ Горшков, вас ждут, – и я вошел в кабинет.

– Товарищ Постышев, – голос у меня едва не сорвался. – Представитель краснознаменного пограничного отряда прибыл для вручения вам красноармейской книжки Почетного пограничника, обмундирования и оружия.

Постышев улыбнулся, принял наши подарки, положил их на маленький столик, но не удержался, взял шашку, вынул из ножен, потрогал лезвие. А потом пригласил меня сесть. Разговор был долгий. Я быстро успокоился, рассказал о делах на границе, о службе, о нашем отряде. Постышев не перебивал меня, и уже потом, записывая дома эту беседу, я вдруг с удивлением обнаружил, что Павел Петрович незаметно и точно направлял нашу беседу по нужному руслу, не давал мне углубляться в мелочи.

В Благовещенск поезд пришел ночью. Я добрался до квартиры, которую обещал выделить мне Комаров после отъезда на учебу одного из офицеров. В мое отсутствие сюда должна была переехать Тоня. Я подошел к двери и почувствовал вдруг, как забилося сердце. Постучал. Знакомый милый голос отозвался из-за двери: «Это ты, Толя?»

Через три дня мы сыграли свадьбу. И потянулись дни, наполненные для молодой жены постоянной тревогой, ожиданием. Граница в то время на Дальнем Востоке была, как говорят пограничники, активной. Меня зачисляли в разные группы, я участвовал в работе по разным «делам». Были перестрелки, погони, задержания. Я чувствовал, что становлюсь хладнокровней, расчетливей, бережливей к людям.

В феврале 1933 года получил назначение в Молдавию, через два года – в погранотряд на польской границе, в 1938 году снова переезд. К тому времени у нас родились две дочери.

А потом был Киев, работа в Управлении пограничных войск, участие в освободительных действиях наших войск в западных областях Украины и установлении новой границы. Тяжелое это было время. Но мне оно нравилось. Чувствовал себя причастным к серьезному и важному делу – защите Родины. Для меня эти слова имели реальный смысл. Каждый обезвреженный диверсант, шпион, разведчик исчезал с линии невидимого фронта, а значит, меньше становилась опасность для страны, для людей, которых я любил, для моих маленьких дочерей. Но вскоре пришлось расстаться и с Киевом – меня перевели в Москву, в Главное управление пограничных войск.

В начале июня 1941 года в составе инспекционной группы Главного управления погранвойск я выехал в Белорусский округ. Побывали мы во многих отрядах, на заставах, проверили боевую подготовку пограничников. И по мере того, как продвигались по границе, росла тревога. На той стороне подтягивались войска, оживилась немецкая разведка, нарушения границы следовали одно за другим.

Отчет о поездке писали уже в Москве. Закончили за полночь в субботу 21 июня. Когда расходились по домам, я встретил в коридоре очень встревоженного дежурного по управлению, хорошего своего товарища Сергея Троицкого.

– Что случилось, Сережа? – бросился я к нему.

– Потом, Толя, потом, – сказал он.

– Такая тайна?

Это очень серьезно, Толя...

ГЛАВА II

Ночевал у мамы. Тоня с девочками была на даче. Утром меня разбудила мама, и, увидев ее лицо, я понял: беда.

– Война, Толя, – сказала она.

В управлении сразу же нашел Троицкого.

– Ты знал уже тогда, Сережа?

– Это было донесение, что перешел границу немецкий солдат и передал: в четыре утра начнется война.

Нашел свободный стол и тут же написал рапорт с просьбой отправить меня на фронт. Но и на него, и на другие, которые писал, получил отказ. Мне была предназначена другая доля.

...Я приехал на Курский вокзал, попрощался с шофером. Взял чемодан и пошел к поезду.

Старый, выдавший виды вагон был битком набит людьми. Ехали долго. Поезд стоял на разъездах, пропуская воинские эшелоны, идущие на юг, санитарные поезда с выбоинами от пуль и осколков снарядов; длинные, казавшиеся иногда бесконечными составы с эвакуированным оборудованием заводов. Половина страны двинулась в дорогу.

Я жадно вглядывался в березовые тихие рощи, залитые солнцем, в ленту Оки, мирно текущую среди родных русских берегов, и не укладывалось в сознании, что фашисты уже идут по нашей земле, что они смогут прийти и сюда.

Тула... День стоял тихий, теплый, сухой, солнечный.

Я пошел пешком по Красноармейской улице (ныне проспект). Она утопала в зелени. Невысокие, вросшие в землю и потому казавшиеся

коренастыми домишки крепко стояли по обеим ее сторонам, затаенно поглядывая на редких прохожих чистыми окнами. Они уже кое-где предусмотрительно крест-накрест были заклеены полосками газетной бумаги, везде стояли бочки с песком. Звонкий посвист раздался со двора, мимо которого я проходил, и, торопливо и шумно плеская крыльями, в небо ушла стая голубей.

Та-та-та-та! – перекрыл вдруг все звуки знакомый, ставший за годы службы почти родным, голос станкового пулемета. Война...

Я вышел к кремлю. Бойницы башен сонно, словно прищурившись, неподвижно глядели на меня, когда я проходил мимо. Во всем облике древнего укрепления таилась спокойная и мощная сила.

В областном управлении НКВД я предъявил свои документы дежурному, показал назначение. Он позвонил куда-то, назвал номер комнаты, и я поднялся на второй этаж. Меня уже ждали, встретили радушно. В первый же день вместе с ответственными работниками управления вызвали к первому секретарю обкома партии Василию Гавриловичу Жаворонкову.

Признаться, я не ожидал такой оперативности и был приятно удивлен напором туляков. По всему чувствовалось, что работают здесь люди дела.

Василий Гаврилович Жаворонков встретил нас сдержанно-суховато, но приветливо. Я знал, что по возрасту мы с ним почти ровесники, что на партийной работе он давно, и мнение о нем сложилось как об опытном, знающем, а главное, думающем работнике. Бегло просмотрев мои документы, он чуть дольше задержал в руках партийный билет и офицерскую книжку.

– Это хорошо, что вы служили на границе, – сказал он, – надеюсь, что опытом, приобретенным там, поделитесь с нашими людьми. Дело вам предстоит новое и важное. Истреби-

тельными батальонами, диверсионной работой в тылу врага никому из туляков заниматься раньше не приходилось. Поэтому мы и просили, чтобы дали знающего человека.

– Мне ведь тоже не приходилось, – уточнил я.

– Служба на границе – это немало, – сказал Жаворонков. – Первое, что от вас требуется, – заняться истребительными батальонами.

Он помолчал. И тогда я решился: – Вы думаете, они понадобятся здесь? Вы допускаете, что Гитлер дойдет до Тулы?

Жаворонков поднял на меня тяжелый взгляд. Я не отвел глаза, хотя и почувствовал всю неуместность своего вопроса. Жаворонков помолчал.

– Я прошу вас отнестись к своей работе со всей возможной серьезностью и старанием, – сказал он твердо. – Оттого, насколько хорошо вы сделаете свое дело, будет зависеть жизнь сотен людей, которых мы вам отдаем сегодня. В основе своей – это мирные люди, отличные специалисты, коммунисты, комсомольцы... Научить их воевать – ваша задача. Не мы развязали эту войну, но коль уж она началась, то драться нужно профессионально. Только при таком подходе мы сможем сохранить людей, научиться выигрывать малые и большие бои...

Жаворонков говорил, а я поймал себя на мысли, что мне в общем-то повезло, что попал именно в Тулу. Первый секретарь хорошо знал обстановку в области, как идет формирование и обучение истребительных батальонов, называл даты, цифры, имена, давал краткие характеристики партийным руководителям, с которыми мне предстояло работать.

– Потребуется помощь обкома партии, приходите прямо ко мне, – сказал он, пожимая на прощание руку. – Верю, по пустякам не придете.

Мы вышли.

– Устал Василий Гаврилович, – сказал кто-то из моих провожатых. – Похудел, почернел.

– Похудеешь, – сказал я. – Такая махина на плечах.

Поселили меня в гостинице «Центральная». Стол, стул, кровать, тумбочка с настольной лампой, шкаф. Окно выходило во двор, и шум с Советской улицы ко мне не долетал. И все же на следующий день я проснулся рано, несмотря на усталость предыдущего дня. Рассвет едва синел за окном, звезды еще не погасли.

– С чего начинать? – вот вопрос, который не дал снова уснуть. У меня нет времени на долгое ознакомление с новой работой и уже сегодня придется решать какие-то проблемы, руководить людьми, отдавать приказы. Оттого, насколько верно я сделаю свои первые шаги здесь, будет зависеть успех дела.

Я встал, умылся, оделся и пошел в управление. Увидев меня, дежурный передал увесистый замысловатый ключ от кабинета.

На столе я нашел те документы, которые попросил оставить мне с вечера. Все они в той или иной мере касались создания истребительных батальонов. Работая в Главном управлении погранвойск, уже в первые дни войны я был назначен в штаб по руководству истребительными батальонами. Руководил им генерал-майор Гавриил Александрович Петров. Умный, быстрый и смелый в решениях человек, он научил меня многому. И вот теперь этот опыт должен был сослужить мне добрую службу. Я быстро просмотрел документы.

Специальное постановление Совета Народных Комиссаров

«Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов»*. Этот документ, принятый уже на третий день войны, был мне хорошо знаком. В нем шла речь о формировании в прифронтовой полосе и местностях, объявленных на военном положении, добровольных отрядов народного ополчения. Они были грозной силой в борьбе с диверсантами и шпионами. Более того, на них легла основная тяжесть по охране заводов,

электростанций, мостов, связи, железных дорог... Они вели беспощадную борьбу с дезертирами, паникерами.

Все это мне было хорошо известно, и все же я еще раз перечитал постановление СНК, мысленно расставляя акценты в своей будущей работе. Тут же, на столе, нашел выписку из решения бюро Тульского обкома партии от 26 июня 1941 года о формировании на территории области и в городе истребительных батальонов. В следующей справке на имя В. Г. Жаворонкова говорилось о том, что ко 2 июля организационная работа по формированию батальонов закончена. Создан 91 батальон численностью до 10 тысяч человек.

Вскоре меня представили работникам отдела, с которыми мне надо было браться за дело. Мокринский, Щербаков, Аникушин, Соколов, Зенякин, Корчагин, Бобырь...

Совещание было коротким и деловым. На все вопросы я получал ясные, короткие, обстоятельные ответы. Из них вырисовывалась не совсем отрадная картина. Да, батальоны созданы, но для того, чтобы превратить их в боевые подразделения, требовалось от нас много смекалки и усилий.

— Итак, хотел бы посоветоваться с вами вот о чем, — я встал из-за стола и пошел по кабинету. — Думаю, первое, что нам необходимо в ближайшие дни сделать, — это определить учебную программу для батальонов. Утвердить ее здесь, в управлении, потом в обкоме партии, в Центральном штабе. Без этого пущенная на самотек боевая подготовка далеких от военного дела людей может в дальнейшем сослужить плохую службу. Нам нужна короткая, но вместе с тем всеобъемлющая программа. Ваше мнение?

Ответ был единодушным: такая программа нужна.

— Второе... Нам необходимо провести ряд инспекционных поездок в места дислокации батальонов. Оказать помощь партийным, советским органам. Проверить ход формирования, обучения бойцов. Посмотреть, как дело с вооружением. Кстати, о вооружении. Кто доложит?

— Младший лейтенант Аникушин, — поднялся молодой застенчивый парень. — Батальоны вооружены плохо. Нет винтовок, патронов, гранат. Гранаты пытаемся делать кустарным способом. Достаем оружие из старых арсеналов, и бойцы ремонтируют его сами для себя. Нужна централизованная поставка вооружения.

— Хорошо. Думаю, нам пойдут навстречу. Вопросы есть? Вопросов не было. Все выжидательно смотрели на меня.

— Тогда за дело. Аникушин поедет со мной. Займется истребительными батальонами оружейного завода, завода НКПС, Центрального района. Надо побывать на Косой Горе. В течение дня прошу закончить все дела, которыми занимались до создания нашего отдела... Мы с Аникушиным поехали на оружейный завод, затем на патронный, НКПС, на Косогорский металлургический. Работы было много. Но главное — надо узнать людей, познакомиться с теми, с кем, возможно, придется идти в окопы. Иванилов, Зубанков, Линяев, Васильев, Ведерников, Марухин, Потапов... Десятки новых лиц, имен, фамилий. Я старался запомнить каждого, беседовал с этими людьми, пытаюсь разобраться, где слабые места в подготовке истребительных батальонов. Нужна была единая учебная программа. Я собрал свой отдел на третий день пребывания в Туле.

— Ответственным за подготовку учебной программы назначаю себя. К 14-00 каждому доложить свои предложения. Особое внимание необходимо уделить стрелковой подготовке, взрывному делу, борьбе с танками. Вы свободны.

Я остался один. Сомнений в верности принятого решения у меня не было. Тревожило другое — нигде и никто подобной программы не создавал. Так что все надо начинать с нуля. А сколько времени даст нам противник? Я понимал, что промахи, допущенные при составлении программы и обучении по ней бойцов, в схватке с врагом будут оплачены кровью людей. И мне на миг стало жутковато от этой мысли. Но я быстро отогнал ее. Поменьше эмоций, побольше трезвого, четкого, серьезного расчета по всем позициям. Взял чистый лист бумаги

и вывел: «Программа обучения военному делу бойцов истребительных батальонов Тульской области».

Цели.

Задачи.

Объем...

Я успокоился. Опыт, приобретенный во время службы на границе, пригодился в новом деле.

К 14-00 часам проект программы в основном закончил. Правда, был он несколько великоват, на 140 часов обучения. И до конца дня мы всем отделом вели его сокращение. Остановились на 120 часах, дальнейшее усечение программы сказалось бы на качестве подготовки бойцов. Многие пункты уточнили, некоторые заменили, и к 22-00 16 июля отпечатанная на машинке программа лежала у меня на столе. Я включил радио. Передавали сводку Совинформбюро за день. Вести были неутешительными: мы вновь оставили ряд городов, поселков, деревень врагу...

К утру программу попросили привезти в обком партии. Жаворонков прочитал ее быстро.

– Дело доброе, – он тяжело положил обе руки на тонкую папку. – Но, на мой взгляд, вы слишком увлеклись сугубо практической стороной военного дела. А чтобы бить такого врага, боец должен хорошо знать его тактику, стратегию, уметь предугадать на два хода вперед, что сделает противник. Здесь у вас прокол. Доработайте и отправляйте в Центральный штаб, – он протянул мне папку. – Старые связи, надеюсь, остались? Позвоните, попросите, чтобы быстрее дали оценку. И – за дело.

Жаворонков улыбнулся, и его суровое лицо вдруг стало добрым и усталым.

– Как вас приняли? Как вам у нас?

– Приняли хорошо, спасибо. Город, люди мне понравились, – я попытался было уйти тоже от деловых вопросов и не смог, – но меня тревожит одна проблема...

Лицо Жаворонкова вновь приняло свой обычный замкнутый вид.

– Давайте.

– Батальоны не вооружены. На пальцах не покажешь, как стрелять из боевой винтовки. А без вооружения нам нельзя считать батальоны боевыми единицами.

– Знаем, – перебил меня Жаворонков. – Знаем и понимаем вашу озабоченность. Через неделю получите оружие, – он глянул на календарь, – к августу закончите вооружение бойцов. А свои соображения все же изложите своему руководству, они мне передадут... В кабинет вошел секретарь:

– Василий Гаврилович, на проводе Москва.

Жаворонков поднялся, быстро пожал мне на прощание руку и потянулся к телефону. Я вышел.

Однако из Тулы выбрался нескоро. Начало поступать оружие для батальонов. Нужно было быстро и расчетливо распределить его по заводам, фабрикам, шахтам, районам. И до августа, как и обещал первый секретарь обкома партии, мы получили пять тысяч винтовок системы «лебеля», две тысячи – системы «маузер», тридцать три пулемета «люис», итальянские гранаты, тут же прозванные «хлопушками». А если прибавить еще такие системы оружия, как «манлихер» и «милс», то станет понятно, что вооружены мы были оружием XIX века. Кроме того, к этому пестрому иностранному собранию огнестрельного оружия истребительные батальоны получили мало патронов. Было над чем задуматься...

Но мы радовались и этому. Я получил добро из Москвы на нашу программу. В Центральном штабе была тщательно изучена и, более того, рекомендована в качестве образца для других управлений. Батальоны приступили вплотную к ее изучению.

...В Сталиногорск (ныне Новомосковск) я приехал утром. Военком уже ждал меня.

– Начнем с 26-й шахты, – сказал он. – Что-то у них там не ладится.

На дворе было пусто, только у склада мы заметили людей. Подъехали. Поздоровались. Познакомились.

– Журило Николай Ильич, – протянул мне широкую, словно шахтерская лопата, ладонь невысокий широкоплечий человек. – Главный механик шахты, – и по тому, как он осторожно пожал мне руку, я угадал в нем огромную силу. – А вы кто будете?

Я представился. Военкома Журило знал.

– Зараз, зараз все покажем, – обрадовался он. – У нас тут через часок марш-бросок на Урванку. Приглашаем. Посторонитесь-ка и минуточку подождите. Я моторчик отнесу в забой и быстренько вернусь. Я с сомнением глянул на электромотор, поискал глазами людей, которые должны были помочь Журило. Никого не было. А шахтер уже подставил широкую спину к мотору. Я спросил:

– Сколько в нем?

– Сто килограммов, – Журило крикнул, поднатужился и, взвалив мотор на плечи, пошел к клети.

Ну и здоров же, – сказал я.

– Здоров, – согласился военком. – Он эти движки в забой сам носит. Там же не повернешься вдвоем-втроем. А главный инженер – мужик суровый. Разгон такой устроит, если в забое что не так...

Журило шел тридцать второй год. Родился он в городе Богодуховке Харьковской области, закончил семилетку, потом рабфак. Работал на строительстве Днепрогэса мастером-монтажником тяжелого машиностроения, потом на заводе «Электросталь» в Запорожье. Беспокойная, веселая, деятельная его натура искала великих дел, знаменитых строек. Так попал он в Подмосковский угольный бассейн, стал шахтером, работал на шахте № 20 и 20-бис. В тридцать девятом году назначен главным механиком 26-й Сталиногорской шахты.

– Человек он надежный, – сказал военком, – не подведет, если что.

Журило вернулся не один.

– Вот, Василий Карпович Короб. Наш пулеметчик. Бревно на доски из пулемета может распилить.

Мы познакомились.

– Давай, Вася, собирай людей, – сказал ему Журило. – Штурмовать Урванку будем.

Не спеша во двор тянулись бойцы истребительного батальона. Многие шли сюда прямо из забоя, узнать их можно было по не просохшим после душа волосам.

Командовал сводным батальоном из рабочих, ИТР и служащих 22, 26 и 27-й шахт начальник 26-й шахты Петр Сергеевич Доньшин.

– Равняйся! Смир-р-р-но! – командовал Доньшин. – Напра-а-во!

Шахтеры не спеша повернулись. Строй дрогнул, и длинная колонна направилась в сторону деревни Урванка. Мы шли по обочине дороги. Вечерело, жара спала. Дождей не было давно, деревья, трава посерели от пыли, в пыли терялся и хвост колонны. Я приглядывался к батальону. В нем собрались люди уже в возрасте – молодые ушли на фронт в первые дни войны. Лишь изредка мелькало юное лицо: этого человека удержала броня на шахте. Шахтеры шли молча, сосредоточенно, так, подумал я, как привыкли идти на работу.

– Не умеют они у тебя строем ходить, Петр Сергеевич, – сказал военком Доньшину. – Научил бы.

– В ногу ходить – штука не хитрая, научатся, – ответил комбат. – Вот фашиста бить научиться – это работа посложнее.

– Пусть идут, как идут, – сказал я.

Две телеги громыхали сзади. На них везли пулемет, ящики с патронами и гранатами, мишени.

Урванку «брали» по всем законам воинской тактики. Стоя на холме, я видел, как умело шахтеры использовали складки местности, как скрытно выдвигались по оврагам на рубеж атаки, как дружно и грозно поднялись, и грянуло «ура-а-а!», от которого собаки в деревне попрятались в будки.

– Переходите к обороне, – приказал я. – Танки заходят вам с левого фланга, вон по той дороге, – показал и глянул на часы. Комбат прищурился, оглядывая позицию, которую я указал, смерил взглядом расстояние до несуществующих танков.

– Связные, ко мне! – крикнул он. – Семеныч, давай в первое отделение. Пусть вышлют на дорогу истребителей танков с гранатами и бутылками. Всем окопаться! Ты, Коля, беги по оврагу к первой роте, пусть займут линию обороны от дуба до колодца. И отсекай пехоту от танков. Все! – повернулся комбат ко мне и вытер вспотевший лоб.

Я промолчал. Все решения Доньшин принял быстро и верно. Многое теперь зависело, как будут выполнены его приказы. Минутная стрелка отсчитала восемь делений, когда все маневры были закончены, а в поле стали вырастать бугорки земли – шахтеры окапывались со сноровкой и быстротой бывалых солдат.

Стреляли они с той же обстоятельностью, что и шли в атаку или готовились к обороне. Мишени – вырезанные из фанеры силуэты фашистов с характерной формой касок – дважды пришлось менять. А вот с гранатометанием дело обстояло плохо. Выточенные из металла болванки – вот и все, чем могли похвастаться шахтеры.

– Нет гранат, – огорченно развел руками Доньшин. – Военкому и звонили, и писали – нету...

Я повернулся к военкому.

– Вы же знаете, Анатолий Петрович, как туго с гранатами сейчас.

– Знаю, но учебу организовать мы обязаны. Против танков с винтовкой не пойдешь. Даю вам два дня срока. Пришлем вам гранат, – повернулся я к командиру батальона. – Но использовать их извольте с толком.

– Ясно, товарищ капитан, – козырнул тот.

Занятия закончились, я провел короткий их разбор, указал на то, что делалось хорошо и что – плохо. Мы возвращались на шахту, и, чтобы не терять времени, Доньшин на ходу рассказывал мне, где несут дежурство бойцы истребительных батальонов.

Само собой на шахте, на подстанции, на водокачке, – перечислял он. – Ночью патрулируем по городу.

Во дворе шахты, когда Доньшин ушел и мы стали прощаться с бойцами, к нам подошла девушка. Чуть вздернутый носик она держала вызывающе. Огромная русая коса цвета спелой пшеницы оттягивала ей голову назад. Веселые веснушки усыпали ее милое лицо. Подойдя к нам, она зарделась от волнения.

– Товарищ командир, – обратилась она ко мне, – можно сказать?

– Вы кто? – спросил я ее.

Но ответил Журило:

– Клавдия Чурляева, дежурный электромеханик, «щитовая» наша на подстанции, – и, повернувшись к Чурляевой, плачущим голосом сказал: – Ну сколько раз тебе говорить, что нельзя тебе в батальон? Да и не решает эти вопросы товарищ Горшков.

– Дядя Коля, – она умоляюще глядела на Журило.

– Ну, есть же Доньшин, есть его заместитель, вот и иди к ним проси.

– Они не записывают, а я в батальон хочу.

– Влюбилась ты в кого, чи що? – почти застонал Журило.

– Я иду затем же, зачем и вы, – сказала она. Журило только головой замотал. Мы засмеялись.

– Мы ведь не на прогулку собираемся, – попытался удержать я Чурляеву, но заметил в ее глазах слезы обиды и замолчал.

– Все равно уйду на фронт, – решительно сказала Чурляева, отстраняясь от Журило. – Но я хотела со своими, а вы... – И в ее голосе прорвалось столько боли и обиды, что мы поняли – эта не отступится.

– Придет Доньшин, разберитесь с ней, Николай Ильич, – сказал я, прощаясь со всеми. Протянул руку Чурляевой. Рукопожатие у нее вышло крепкое, мужское, хотя ладошка была маленькая.

– До свидания, товарищ...

Я даже предположить не мог, что это свидание будет таким скорым.

ГЛАВА III

Сводки Совинформбюро не приносили ничего утешительного. Наши войска оставили десятки городов, сел, деревень. Те места на границе, где всего лишь несколько десятков дней назад я находился, где когда-то служил, остались в глубоком тылу врага. Все явственней нарастала угроза Москве, а значит и Туле, стойкость которой будет играть важную роль в обороне столицы.

Истребительные батальоны, диверсионные группы, партизанские отряды – вот те три «кита», которыми денно и нощно приходилось заниматься нашему отделу. И чем ближе двигалась линия фронта, тем напряженней мы работали. Особое внимание и обком партии, и наше управление НКВД уделяли южным и западным районам области. Именно там ждали появления врага, там ему предстояло дать отпор.

Я ехал в очередную инспекционную поездку в Черепетский район с тяжелым сердцем. Фашисты ввели в бой свежие мощные силы, линия фронта прорвана, бои идут на Московском и Брянском направлениях. Писем от семьи не получал уже давно, и это тоже беспокоило: как там они в эвакуации, на новом месте?!

Дорога нырнула в лес. Густые кроны дубов смыкались в вышине, повеяло прохладой.

– Вот где партизанить, а, Анатолий Петрович? – оторвал меня от невеселых дум шофер. – Сам черт не найдет, не то что фрицы.

– Да, места здесь на глухомань богатые, – сказал я, внимательно вглядываясь в чащу леса.

В Черепети нас уже ждали в районном отделении УНКВД начальник его Михаил Михайлович Щербаков, стройный, подтянутый, немногословный, он должен был сопровождать нас.

– Пойдемте к Тетерчеву, – сказал он. – Заодно посмотрите Черепеть.

Мы пошли в районное отделение милиции. Старший уполномоченный угрозыска Дмитрий Тимофеевич Тетерчев командовал истребительным батальоном в райцентре. Второй батальон был в селе Васильевское. В него входили рабочие и служащие управления новостроящихся шахт, колхозники из ближайших деревень. Командовал им начальник Черепетского управления новостроящихся шахт Григорий Антонович Агеев. Эти два батальона я и должен был посмотреть в действии.

– Хорошие у вас здесь места, лесные, – сказал я Щербакову. – Грибные, небось?

– Грибные. А малины, земляники сколько! – словно ждал моего вопроса Щербаков. – Только пропадает все. Мы было в воскресенье договорились с семьями пойти в лес, да война помешала. Не до земляники нынче...

Тетерчева на месте не было.

– Диверсантов ловит, – скупно пояснил нам пожилой милиционер. – Позвонили, что видели парашютистов за Песковатским. Там он.

– Успеет к завтрашнему «бою», как думаешь, Михал Михалыч? – повернулся я к Щербакову.

– Успеет. Он свой батальон никому не доверит.

Я уже знал, что Щербаков выработал все условия проведения учебного боя между двумя батальонами. И Агееву, и Тетерчеву были вручены большие конверты с сургучными печатями и подписями

«Вскрыть по паролю при тревоге». В них указывалось место, условия, время учебно-тактических учений. Тревогу мы решили объявить завтра рано утром.

Тетерчев вернулся поздно вечером, нашел меня. Познакомились.

– Никого не обнаружили, – ответил на мой немой вопрос. – Пацаны напутали, а у мужиков глаза от страха велики стали.

– Лучше перестраховаться.

– Оно верно. Я потому и не ругался на них.

А утром был «бой» за деревню Песковатское. Атаковали агеевцы, батальон Тетерчева держал оборону.

– Туго придется Дмитрию, – сказал Щербаков, когда мы выходили «на позиции», – Агеев – стреляный волк, он своего не упустит.

Об Агееве я слышал еще в Туле. Его батальон считался одним из самых боеспособных. Именно ему поручались оперативные задания по прочесыванию лесов и хлебных полей от парашютистов-диверсантов. И не было еще случая, чтобы агеевцы подвели.

С Агеевым мы встретились под Песковатским.

– Батальон к бою готов, – доложил он, увидев меня.

Мы обменялись рукопожатием. Открытое русское лицо, веселый прищур глаз, кубанка, черная кожаная куртка, болотные сапоги с отвернутыми голенищами...

– А ведь побью я тебя, Тетерчев, – сказал Агеев, прищурившись и оценивающе оглядывая соперника, – молод ты еще.

И действительно, Агеев побил Тетерчева. В нем было превосходство командира, уже воевавшего. Агеев быстрее и точнее рассчитывал варианты тем особым чутьем, которое вырабатывается лишь в боях, он угадывал, как четко будут выполнены его приказы.

Щербаков и я провели с командным составом разбор занятий. Тетерчев горячился и все сокрушался, что если бы первая рота чуть быстрее выдвинулась по ложине, а пулеметчики вовремя вступили в бой, то...

– То все равно я тебя побил бы, – перебил его Агеев. – Потому что за моими плечами наука, за которую заплачено жизнями людей да кровью. Жаль, что и тебе придется ее познавать, Дмитрий Тимофеевич, на деле, а не только в таких вот играх.

Пора было возвращаться. Батальоны построились в колонну по двое и двинулись к Лихвину. Мирный лес шумел над нами листвой, доверчиво льнула трава к нашим ногам. Было что-то незащищенное и в нем, и в поле пшеницы, куда нас вывела дорога, и в синем бездонном небе, огромным куполом накрывшем и нас, и лес, и поле. Сухая дробь пулеметной очереди заставила меня вздрогнуть.

– Воздух! – крикнул кто-то, и я тут же увидел в небе «юнкерс», которого гнали наши два И-16.

– Рассредоточиться! – скомандовал Щербаков. Местность была открытой, батальоны как на ладони. Бойцы кинулись врассыпную, Агеев, Тетерчев, Щербаков и я залегли в придорожной канаве.

Бомбардировщик уходил, и рев его моторов, работавших на пределе, низким давящим гулом навалился на нас. Один из самолетов, видимо, расстреляв весь боекомплект, отвалил в сторону и ушел на Калугу. Второй дал еще две короткие очереди, которые тоже не причинили вреда фашисту. «Юнкерс» уходил. И-16 упрямо держался за ним, потом, поднявшись чуть выше, вдруг резко пошел вниз и винтом ударил по хвостовому оперению. Таран! Брызнули осколком обшивки. «Юнкерс» медленно перевалился на крыло и, словно с невидимой крутой горы, понесся вниз. Бомбардировщик с ревом врезался в землю у деревни Красно-Михайлово. Глухой тяжелый взрыв тряхнул всю округу, и гулкое его эхо долго еще перекликалось в лесу. А И-16, умело планируя, сел на поле. Густое облако пыли окутало на миг наш истребитель, его развернуло, но летчик остался жив. Когда мы подбежали к самолету, он уже выбрался на крыло. Осторожно ощупав себя, улыбнулся нам: «Цел!» Лишь из рассеченной брови сочилась кровь.

– Давай-ка, товарищ, мы тебя на курорт отправим, в «Краинку», – улыбнулся Щербаков и послал в деревню за телегой троих бойцов. Летчика отвезли в санаторий, где и оказали врачебную помощь.

...Весь август и сентябрь прошли в работе, в ожидании сводок Совинформбюро, в надежде, что нашим войскам вот-вот удастся остановить врага. Но с каждым днем мы все больше понимали, что Тула недолго останется в глубоком тылу. И потому напряженной шла учеба бойцов в истребительных батальонах, строже становился контроль за работой нашего отдела, спать приходилось урывками, зачастую в дороге от одного батальона к другому. И я, и работники отдела валились с ног от усталости.

Все ошутимей слышалось дыхание войны. Над городом появились первые самолеты с фашистской свастикой на крыльях и фюзеляже. Тревожный вой сирен, белые облачка зенитных разрывов, звон осколков по мостовым... К этому стали привыкать, как привыкли к нескончаемому потоку машин, идущих на фронт с военным имуществом, к эшелонам с эвакуированными, к дежурствам на крышах, к бумажным полоскам на окнах...

Я приехал с Косой Горы, забежал на несколько минут в управление, позвонил второму секретарю обкома партии А. В. Калиновскому. А он вместо приветствия сказал:

– Вот и Тула тронулась в дорогу. Заводы эвакуируются...

– Как? – спросил я удивленно. – Все заводы?

– Все.

– А люди? Бойцы?

– Кто нужен в тылу, те уедут, таков приказ.

– У нас на оружейном один из лучших батальонов, – злость закипала во мне. – Триста готовых солдат.

– Уедут, – жестко прервал меня Калиновский, – в тылу специалисты нужны. Все я понимаю, Анатолий, да что делать?

– Сейчас же еду к оружейникам, – сказал я.

– Поезжай... Да не вздумай там агитацию разводить. В райкомах партии и так отбоя нет от желающих остаться.

Весть об эвакуации не укладывалась в сознании. Идя по заводу, я узнавал и не узнавал его. Через пролом в стене вошел в один из цехов. Тихо, пусто, фундаменты для станков сиротливо серели обнаженным бетоном. За стеной прошел тяжело груженный эшелон, и земля глухо дрогнула под ногами.

Командира истребительного батальона ТОЗа я нашел в кузнечном цехе. Здесь снимали и грузили на платформы тяжелые, неуклюжие машины. Он распоряжался погрузкой.

– Вот, Петрович, дожил, – сказал мне туляк. – Своими руками сердце у Тулы вырываю, понял? Вот этими, – он протянул мне две ладони, укоризненно, словно я был в этом виноват, глядя на меня.

Я отвел глаза.

– Слушай, – он вдруг ухватил меня за рукав и потащил в сторону. – Замолви за меня словечко. На кой ляд мне эта «бронь»?!.. – командир заискивающе заглядывал мне в глаза. – Я здесь пригожусь! Куда я из Тулы?

– Не могу, – сказал я. – Слово дал, что просить не буду ни за кого.

Тот обиженно глянул на меня, потом, увидев что-то за моей спиной, закричал:

– Куда прешь? Думаешь, уезжаем, так давай, рушь подряд?! – он двинул меня плечом, оттеснив в сторону и ни слова не сказав больше, продолжал кричать крановщику. – Этот цех еще пригодится. Понял?

...С завода мне пришлось уходить так, чтобы поменьше встречать знакомых. У многих на устах была одна просьба: «Оставьте в Туле».

Больше на заводы я в дни эвакуации не ходил, но с теми, кто уезжал, избежать встречи не всегда удавалось. Меня находили в управлении, в райкомах, в гостинице, на стрельбищах... Приходили коммунисты, беспартийные, комсомольцы, старики и совсем молодые ребята. «Оставьте в Туле!», «Помогите избавиться от “брони”», «Хочу разделить судьбу Тулы», – просьбы не отличались разнообразием, но каждая из них была признанием в любви родному городу. Скрепя сердце, объяснял, уговаривал, приказывал, и все же многие уезжали с чувством горечи и недоумения: «Почему в тыл отправляют меня?»

Эшелоны уходили один за другим на восток, увозя оборудование, семьи туляков, самих рабочих. Для меня та потеря была тягостна вдвойне – уезжали хорошо обученные военному делу люди. Приходилось многое начинать заново: формировать отряды, назначать командиров, проводить занятия, инструктировать тех, кто впервые нес боевое дежурство... А фашист рвался вперед, не оставляя нам на это времени.

Шел шумный хлопотливый октябрь. Но еще раньше, 30 сентября, ударом по левому крылу Брянского фронта в районе Шостки танки Гудериана начали наступление на Москву с юга.

3 октября пал Орел. События развивались стремительно. И вот – вызов в обком партии. Жаворонков поздоровался, коротко обрисовал сложившуюся обстановку и протянул мне лист бумаги.

– Читай. Это выписка из постановления бюро.

В нем предписывалось группе истребительных батальонов – Косогорскому, Ленинскому, Сталиногорскому, Железнодорожному, Ивановскому, Мордвесскому, строительно-монтажного треста, завода НКПС и оружейного – общей численностью более тысячи человек, прикрыть Орловское шоссе на направлении возможного прорыва противника. Руководство возлагалось на меня. Дата выезда – сегодня, 4 октября 1941 года.

– Ваша задача – создать линию обороны в районе Плавска и Черни, а главное – не дать возможности фашистским автоматчикам и мотоциклистам просочиться в наш тыл. Паники вы не должны допускать, ясно? – Жаворонков медленно ходил по кабинету, изредка поглядывая на меня. – Сеять панику – это их излюбленный прием. Крупных сил здесь у противника не должно быть, но диверсанты наверняка появятся. Уничтожайте эту пададь. И еще одно – нельзя добро свое врагу оставлять. Приедете на место, доложите, как там и что. Много неясного с эвакуацией хлеба, заводов, скота. Все, что можно, – спасать! Нельзя спасти – уничтожайте! Понятно?

– Так точно, – ответил я.

– Ну, удачи вам, – Жаворонков сжал мои плечи и легонько подтолкнул к двери. – Не подведи, Анатолий.

Я молча вышел из кабинета.

...Оставшееся время ушло на сборы к отъезду. Забежал в гостиницу. Написал коротенькое письмо домой, сменил одежду и – на Московский вокзал. Эшелон теплушек стоял в тупике. В последний вагон погрузили боеприпасы, оружие, продукты, и в 20 часов нам открыли семафор. В Плавск прибыли глубокой ночью. Выгрузились. Осмотрелись. Я понимал, что люди устали, и потому первое, что нужно сделать, – устроиться на ночлег. С начальником райотдела милиции мы решили расположить людей в кинотеатре.

Не хотелось распылять бойцов по квартирам – слишком напряженная обстановка, и все должны находиться рядом.

Едва небо стало сереть на востоке, я уже был на ногах. Вскоре в райотдел милиции на совещание пришли все командиры батальонов. Приказ был короткий: каждому батальону выделялся участок обороны, его нужно укрепить, отрыть окопы, ходы сообщения, поставить, где возможно, проволочные заграждения.

Зазвонил телефон.

- Из райкома, – протянул мне трубку начальник райотдела милиции.
- С вами говорит секретарь райкома. У нас серьезные трудности с эвакуацией оборудования завода «Смычка». Одна надежда на вас. Так мне сказали и в обкоме партии.
- Сколько нужно людей? – спросил я.
- Много. Разрушены бомбежкой подъездные пути, все путевое хозяйство. Железнодорожники не спят уже четвертые сутки.
- Сто пятьдесят человек на ремонт путей, двести – на погрузку оборудования. Хватит?
- Думаю, да.
- Куда должны прибыть бойцы?
- К райкому.

Третью бойцов ушла рыть окопы, треть – к заводу «Смычка», остальные, как выяснилось, совсем не обученные военному делу, были направлены в помещение школы для знакомства с азами боевой науки. Там мы организовали краткосрочные курсы.

К 9 часам утра приехали 60 рабочих завода НКПС – все, что осталось от батальона в 130 человек, часть из них была призвана в Красную Армию, многие эвакуированы. Я выстроил вновь прибывших.

- Не вижу вашего командира батальона. Почему опоздали? Кто за командира?
- Вперед вышел Васильев.
- Я за командира. Командир ушел из отряда. Из-за него и опоздали, – хмуро сказал он. Такой поворот дела меня озадачил.
- С нами санитарная дружина, – добавил Васильев. – Десять женщин. Вместо комиссара – Павел Ардальонович Коробков.
- В райком доложили? – спросил я.
- Доложили. Вот меня временно и назначили командиром до приезда к вам, – Иван Дмитриевич хмуро глянул на меня. – Людей доставил. Разрешите стать в строй?
- Становитесь.

Решение о том, кого назначить командиром, нужно было принимать сейчас. Васильева я знал по истребительному батальону НКПС как инициативного, умелого руководителя. Худощавый, жилистый, он запомнился мне сразу. У него были крупные черты лица: чуть припухлые губы, волевой подбородок, тонкий большой нос, умные, усталые глаза.

– Иван Дмитриевич, я поддерживаю решение райкома. Придется тебе принять на себя командование батальоном. Теперь уж недолго врага ждать. Людей ты знаешь, и они тебя знают...

- Васильев молчал.
- Как считаешь, Коробков справится с обязанностями комиссара?
- Коробков справится, – Васильев взглянул на своего будущего комиссара и твердо повторил: – Справится.
- Начальник штаба нужен?
- Да. Коклюшников пусть будет.
- Хорошо. В помощь выделяю представителя Ленинского райкома партии Василия Михайловича Иванилова. Разместитесь в клубе. Времени на устройство даю 40 минут. Аникушин вас проводит. Вопросы есть?

Все безмолвствовали.

- Батальон, – скомандовал я, – направо! А ты, Иван Дмитриевич, задержишься с Коробковым. Аникушин, веди людей.

Мы втроем отошли в сторону.

- Силы наши сейчас раздроблены, – сказал я. – В ваш батальон вольются отряды Ленинского и Ивановского районов. Итого 200 человек. Подожди, Иван Дмитриевич, – остановил я Васильева, пытавшегося что-то возразить. – Сами видите, у меня нет строевых

командиров. Учиться будем на ходу. Разобьете батальон на роты, взводы, отделения. Командиров, политруков назначите сами – вы людей знаете лучше.

Весь день ушел на организацию батальонов, рот, других служб. Подъезжали те, кто не смог или не успел выехать с нами вчера. К обеду прибыли на трех запыленных «полуторках» шахтеры. Среди них я узнал уже знакомых мне бойцов... Я подошел к ним.

– Почему не в эвакуации, товарищ Журило? У вас же «бронь»?

– Добрые люди помогли... – Журило весело засмеялся. – Да у нас, почитай, весь батальон из таких, как я.

– Хитрецы, – улыбнулся я.

– А то как же, Анатолий Петрович. Шахтеры!

– Как доехали?

– Погано, – сказал Журило огорченно.

– Почему? – удивился я. – Вон какие у вас лимузины.

– Какие лимузины?! – выругался Журило. – Собрали нас по тревоге, засунули в эти чертопхайки и – вперед! Даже с домашними не успели попрощаться. Вот люди и нервничают. Дети, жены остались. А если смерть настигнет?! Так и помирать, не глянув детям в лицо?

– Это плохо, – согласился я. Вокруг нас уже тесным кольцом стояли бойцы. В глазах каждого я прочитал тот же вопрос.

– Вот что, товарищи, – сказал я громко, чтобы слышали все. – При первой же возможности вы съездите домой. Дам сутки отпуска, – мои слова заглушил гул голосов, в котором слышалось облегчение.

За два дня в основном была закончена подготовка линии обороны у Плавска и Черни. А 5 октября меня вызвал по ВЧ Василий Гаврилович Жаворонков. Я коротко доложил о выполненной работе.

– Жду дальнейших распоряжений, – закончил я доклад.

– В Плавске и Черни оставьте боевое охранение. Всех людей, сколько сможете, отправляйте в Горбачево. Там на элеваторах больше миллиона пудов хлеба. Надо его вывезти любой ценой. Вагоны дадим. Как дела на «Смычке»?

– Эвакуацию оборудования сегодня заканчиваем. Кое-что придется взорвать – нечем грузить тяжелые машины.

– Взорвите, но так, чтобы восстановить завод и наладить там ремонт техники было невозможно.

– Понял.

– За хлеб в Горбачеве отвечаете партбилетом. Завтра к вечеру позвоню туда.

Совещание командиров батальонов было коротким. На линии обороны остались лишь несколько рот прибытия. Свыше 800 бойцов должны были уйти в Горбачево.

– Идти нужно ночью, – сказал Васильев. – Днем такую колонну засекут с воздуха и расстреляют самолеты.

Я согласился. Выступили ночью, пришли к элеваторам, разместились в пристанционных бараках, а утром начали отгрузку зерна.

...Они зашли со стороны солнца, прошли на бреющем над лесом и выскочили совершенно неожиданно для нас.

«Воздух!» – закричал пронзительно кто-то, и этот крик потонул в гулких пулеметных очередях, заглушаемых лишь ревом моторов. Пули фонтанчиками пыли обозначали свой смертельный путь.

Я огляделся. Бойцы бежали под насыпью, под вагонами, под стенами элеватора.

Самолеты со свастикой зашли в атаку еще раз, сбросили зажигательные бомбы и улетели. Зажигалки быстро потушили. Дали отбой воздушной тревоге.

– Комбатов, политруков в штаб! – разнеслись голоса по всей станции, и вскоре весь командный состав собрался под козырьком, которым были накрыты весы.

– Засекли нас по эшелону, стоявшему под погрузкой, и по скоплению людей. Нам повезло, что эти самолеты уже возвращались с задания. Теперь жди «гостей» с полным боевым комплектом. Надо открыть щели! Расставить пулеметы так, чтобы не дать прицельно бомбить станцию! Вагоны эшелона растянуть, выставить боевое охранение на случай появления в этих краях вражеского десанта! – я перевел дыхание. – Комиссарам усилить политико-воспитательную работу!

– Вагонов хватит на круглосуточную работу? – спросил комиссар косогорцев Ф. А. Линяев.

– Хватит.

– Работу надо организовать в две смены – по двенадцать часов. По очереди спать и нести боевое дежурство. Иначе завтра работать будет некому – запалится народ.

– Принимается, – сказал я. – У тебя все, Федор Алексеевич?

– Нормы надо назначить, – добавил Линяев.

– Норму каждому совесть назначит, – сказал Аникушин.

С ним согласились, как согласились и с предложением Васильева о том, что надо организовать соревнование между взводами, ротами, батальонами. Результаты записывать после каждой смены на стене элеватора – места хватит.

Мы потеряли счет вагонам, эшелонам, бомбежкам, боевым тревогам. Где-то за Чернью погромыхивало, тяжелый глухой гул то нарастал, то затихал в той стороне. Можно было подумать, что гремят раскаты грома. Но это гремел фронт. И всякий раз, когда доходил до нас этот гул, быстрее бежали люди с мешками на плечах по наклонным сходням и скрывались в черных дверных проемах вагонов. Шахтеры в первый день устраивали перекур через 25 мешков зерна на человека, погруженных в вагон. Потом через 50, 75. Потом – через сто! А ведь их нужно было взвалить на плечи, пробежать несколько десятков метров, по шатким сходням подняться в вагон и сбросить. Никто не называл это подвигом, но это был подвиг в чистом виде.

– От эти гады, – Журило ткнул пальцем в небо, где заходили для очередной атаки «мессершмитты», – не дают моему взводу нормально трудиться. Разрушают ритм. Вася! – повернулся он к Коробу, – надо ось придумать.

А через 20 минут после отбоя воздушной тревоги Журило с Коробом ломали телегу. Наткнулся на них случайно.

– Николай Ильич! – укоризненно окликнул я его. – Ты что ж народное добро рушишь?.. Но Журило не смутился.

– Вася наш гарную штуку придумав, товарищ капитан, – заговорщицким полупшепотом сообщил он мне. – Вертушку сделаем из этого колеса. А бричка... Щоб фрицу не оставлять!

К вечеру «вертушка» была готова. Меня пригласили на испытания. Короб, смущенный всеобщим вниманием и гордый собственным изобретением, деловито заправлял в свой «максим» ленту с бронебойными пулями. Ось телеги вертикально была вкопана в землю. На колесе, которое вращалось в горизонтальной плоскости, укрепили пулемет, соорудив таким образом пулеметную турель. К колесу прикрепили также сидение для пулеметчика – седло от велосипеда. Отталкиваясь ногами, Короб демонстрировал нам разные скорости вращения своего «агрегата». Дуло «максима» описывало замысловатые траектории. К ночи подвели итоги работы за день. Вперед вышли шахтеры, на два вагона отстали косогорцы, на три от шахтеров – батальон Васильева. По 15 тонн грузили шахтеры, по 14 тонн на человека в смену – бойцы Васильева. Аникушин оказался прав – нормы каждому подсказывала совесть, работали, насколько хватало сил. Поздним вечером я зашел на огонек в барак к косогорцам.

– Чаю выпьешь с нами, Анатолий Петрович? – спросил Линяев, как только я вошел.

– Выпью с удовольствием, – и вспомнил, что за целый день так и не успел поесть.

Мне передали кружку крепко заваренного чая, огромный ломоть свежего, только из печи, аппетитно пахнущего хлеба, на котором лежал добрый кусок сала.

– Я тут вот ребятам про то, как хлеб у кулаков отбирали, рассказываю, – голос у Линяева был хриплый и глухой, голос до крайности утомленного человека.

– Я тоже послушаю, – сказал я.

Из короткой автобиографии Линяева я знал, что родился он в 1896 году в деревне Яковлеве, ныне Ленинского района. Рано ушел из дома. Работал. Революцию встретил с восторгом. Член Коммунистической партии с 1920 года. Делу пролетариата служил не щадя ни сил, ни жизни своей. Работал следователем, управделами Оболенского рудника, занимался и профсоюзной работой. Потом – Косогорский металлургический, дважды избирался секретарем парткома завода...

– Вернулись мы в деревню утром, – продолжал Линяев свой рассказ, – а там – убили наших товарищей и сожгли. Телеги сгорели, мешки с хлебом сгорели, а среди того угольного зерна ребята лежат. Черные, обгорелые, только зубы страшно так белели. Сереге, дружку моему, тогда лет восемнадцать было. Самый молодой в продотряде. Ему живот распорол и зерном набили... Хлеб-то наш кровью полит. Густо полит, братцы вы мои, гуще уж некуда, – Линяев помолчал, потом допил чай и встал. – Пойду на станцию. Может, перед сном мешок какой подниму. Серегину долю...

За ним поднялись почти все.

– Пойдем и мы, Алексеич, – сказал пожилой рабочий. – Цену хлеба... кто же ее не знает?! Отоспимся после войны.

Я тоже встал, хотел удержать косогорцев, да не повернулся язык приказ такой отдать. Так и вышел молча вместе с ними из барака и пошел тоже на станцию, чтобы связаться с обкомом, где ждали сведений об итогах работы на элеваторе.

...В девять утра (хоть часы проверяй) – первый налет. Все нехотя попрыгали в щели, пулеметчики изготовили к бою пулеметы, но вреда ни одной машине не причинили. Не хватало умения, да и слишком быстроходные цели метались над станцией. Это делало их практически неуязвимыми.

Меня налет застал у шахтеров. Я пришел поглядеть, что выйдет из затеи с «вертушкой». Как только прозвучала команда «воздух», мы сползли в щели и блиндажи, отрытые хозяйственными шахтерами у стен элеватора. А Короб и Журило остались у своей установки.

«Сценарий» штурмовки нам уже был хорошо знаком. Четыре-пять самолетов выстраивались в круг, сваливались в крутое пике и били по вагонам, путям, по паровозу... И все это по-хозяйски, неторопливо, безнаказанно. Нашей авиации здесь не хватало, дважды появлялись И-16, но фашисты, не приняв боя, уходили. И возвращались, едва «курносые» покидали зону над элеватором. Два дежурства – все, что могли нам выделить летчики. И потому мы смирились с налетами. Вот и сегодня...

«Дракон» (так прозвали ведущего группы из-за нарисованного на борту дракона) начал штурмовку станции. Расчет строился на том, чтобы разрушать выходные пути. Бомбы легли рядом с полотном, воздушной волной свалило будку стрелочника. Вслед за «драконом» с воем ложились на крыло и шли в пике его ведомые.

Короб ждал. Два или три раза ствол «максима» описал траекторию, весьма близкую к той, что требовалась для точной стрельбы.

– У них пули трассирующие, – объяснял со знанием дела кто-то рядом. – Не думают, что себя демаскируют.

Самолеты отбомбились быстро, не причинив на этот раз большого вреда. Но своему правилу – пройтись на бреющем над местом штурмовки – не изменили. Короб не успел за

«драконом». Второй фашист низко шел над путями, едва не задевая телеграфные столбы. Звонкая очередь коробского «максима» резанула по ушам, но пули прошли позади самолета. И тут же новая огненная струя ушла с земли, пикировщик, казалось, сам налетел на нее. Неужели попал? Густой клуб дыма рванул из-под капота самолета. Он нехотя лег на крыло, клюнул носом вправо-влево и исчез за вершинами сосен. Мы замерли. Глухой мощный взрыв всколыхнул, казалось, и землю, и всех бойцов. Я видел, как выскакивали из щелей, из укрытий люди и бежали туда, откуда поднимался над лесом черный столб дыма – все, что осталось от стервятника.

Журило отплясывал чечетку. Короб слез с седла, и на лице его застыло растерянно-виноватое выражение. Он словно удивлялся самому себе:

– Ага! – закричал Журило, увидев меня. – Я що казав? Наш Вася бревно на доски разрезать может из пулемета. А тут такая махина, шо грех не попасть в нее.

Днем элеватор бомбили еще дважды, но теперь уже куда подевалась беспечность врага. Сбитый самолет сослужил нам добрую службу, заставив летчиков держаться повыше и подальше от секторов обстрела наших пулеметов. К вечеру еще четыре из них стояли на «вертушках Короба». Тогда же вечером я доложил Жаворонкову:

– Погружено и отправлено миллион пудов хлеба. Осталось тысяч 200–250...

– Вывезти нужно до зерна, – сказал Василий Гаврилович. – На Украине мы почти весь хлеб потеряли, так что он на вес золота сейчас.

В тот же вечер, 8 октября, в штаб пришел Васильев. До пояса голый, измазанный мазутом. Я невольно улыбнулся.

– Прямо с паровоза, – объяснил он, – ремонт заканчиваем. Мои ребята вернулись из разведки. В Федоровском свиновхозе свиньи брошены, а начальство уехало в Тулу. Две свинарки там остались.

– Далеко это? – спросил я.

– Километров семь. Коротков там с бойцами для охраны остался, связных прислал. Что делать будем?

– Ты, Иван Дмитриевич, иди умойся и приходи. Что-нибудь придумаем.

– И еще одно, – продолжал Васильев. – На спиртзаводе стоят две цистерны со спиртом. Целехонькие, неначатые. Как бы не прознали наши орлы. Своим-то я запретил о них говорить.

– Выставить охрану. Потом со спиртом решим. Васильев ушел.

– Когда-нибудь ты свиньями занимайся? – спросил я Аникушина.

– Откуда? – удивился тот. – Не знаю, с какого бока подойти к ним.

Вернулся Васильев.

– Вот что, Иван Дмитриевич, – я взял карту Тульской области. – Снимай своих людей с погрузки зерна, – работы тут немного осталось, – и займитесь хрюшками. Кстати, сколько их там?

– Шесть тысяч с лишним.

– Будем эвакуировать в Тулу.

Утром был в Федоровском. Ночью удалось связаться с обкомом партии, в Плавск тут же пошла телефонограмма о выделении вагонов под перевозку свиней. Такой щедрости не ожидал. Полным ходом шла эвакуация заводов, и каждый вагон был на вес золота. Однако Васильева я застал в Федоровском хмурым и озабоченным.

– Вагонов в Плавске на все это добро, – он кивнул в сторону огромного загона, где после кормежки тихо лежали свиньи, – не хватит. Говорил с начальником станции. Четыре тысячи увезут, а здесь шесть тысяч триста. Вчера пересчитали...

– Надо добывать вагоны, – сказал я.

– В Плавске, – сказал Коротков, вынырнувший из-за спины Васильева, – я все обшарил. Нет вагонов. Как бы и те, что дали, не забрали. Там ребят сторожить оставил...

– Поехали в Плавск, – кивнул я шоферу. – А ты, Иван Дмитриевич, далеко от телефона не отходи. Через час позвоню.

Странно было ехать по проселочной дороге, где не видно ни одного следа от машины или телеги. Тысячи копыт перетолкли пыль, и она осела толстым слоем на кустарниках, на листьях деревьев.

Километров через пять мы догнали шестерых бойцов из отряда НКПС, которые гнали свиней.

– Кто старший? – окликнул я.

– Командир взвода Липатов, – подошел и представился один из бойцов.

– Трудно с ними? – кивнул я в сторону стада.

– Сам удивляюсь, товарищ капитан, – Липатов развел недоуменно руками. – Ну до чего дисциплинированные животные! Идут, как в строю. Мы за ними едва поспеваем.

Первый по-настоящему осенний туман укрывал землю. Еще гуще был он в Плавске. «Повезло», – подумал я. Авиацию туман придавил к земле.

...Вагонов не было. Когда я вошел, Иванилов сидел у начальника станции, положив перед собой на стол пистолет, и, насупившись, глядел на серого от усталости человека в железнодорожной форме. Иванилов повернул голову, узнал меня, встал.

– Вот, сижу второй час. Не дает вагонов.

– Ну, застрели меня, мил человек, – начальник прижал руки к груди, – откуда я возьму вагоны?! Тут черт знает, что творится, а вы со свиньями, – вскипел железнодорожник. – Куда я ваших свиней вклинивать буду? Ни одного «окна». Дорога перегружена, бомбежки!

– Пошли, Иванилов, – сказал я и вышел из кабинета.

Мы прошли через станцию, забитую составами с беженцами, ранеными, эвакуированным оборудованием.

– Только бы туман не рассеялся, а то здесь такую кашу устроят, – Иванилов озабоченно глянул в небо.

– Вот что, Василий, – сказал я ему. – Придется остальных свиней гнать своим ходом.

– Ты что? – тот даже остановился. – Сорок километров?

– У тебя есть другой вариант? – Иванилов молчал. – Звони Васильеву, он ждет. И еще ветврача хоть из-под земли, но достать надо. А я проверю, как там дела у нашей доблестной обороны.

Я знал, что бойцы, оставленные на линии обороны, не сидели сложа руки, но сделали они больше, чем можно было ожидать. Окопы отрыты в полный профиль, на танкоопасных направлениях поставлены «ежи», вырыты противотанковые рвы. Там, где удалось найти колючую проволоку, поставлены заграждения. Дело не обошлось, конечно, без помощи местных жителей и тех, кто был прислан на рытье окопов. «Да, зацепиться здесь можно», – решили мы.

К вечеру стали подтягиваться в Плавск из Горбачева те, кто был на погрузке зерна. 20 эшелонов ушли в тыл с тульским зерном, и все же кое-что вывезти не удалось – фашисты разбомбили станцию и путевое хозяйство, а восстановить своими силами мы не могли. Пришлось поджечь зерно и уходить.

– Пришел за распоряжением, что со спиртом делать, – Васильев вопросительно глянул на меня. – Люди у телефона ждут.

– Охрану снять. А спирт... Пусть на землю сольют, – и я уловил вздох сожаления у всех, кто слышал наш разговор.

– Жалко такое добро в землю, – сказал Васильев. – Может, хоть в канистры набрать?

– Набери, если найдешь. И передай в сандружины.

– Ясно. И еще вопрос. По слухам, где-то недалеко самолет упал, но чей, никто не знает. Может, найти?

– Давай. Только быстро. Возьми машину и бойцов человек тридцать. Прочешите лес.

Самолет оказался нашим истребителем. Отказал мотор, и летчик совершил вынужденную посадку на вспаханное поле. Сам он не пострадал, а машина перевернулась. Когда подъехали бойцы с Васильевым, там уже стояла машина техпомощи. Общими усилиями перевернули истребитель, и он встал на шасси. Техники поблагодарили наших товарищей за помощь, которая пришла вовремя...

ГЛАВА IV

Но «зацепиться» нам у Плавска и Черни не пришлось. 15 октября был получен приказ всем истребительным батальонам отойти в Тулу. В Плавск за нами пришел эшелон. Туда же подтянулись все подразделения, разбросанные на возможных направлениях ударов врага. Однако встретиться с ним наш черед не настал. Весь день 16 октября мы были в дороге.

Бомбежки, бомбежки, бомбежки... Чем ближе подходила к нашим врагам линия фронта, тем ожесточенней они становились, тем чаще звучала команда «воздух».

– А у эвакуированных и команду-то некому подавать было, – говорит политрук роты железнодорожников Тюрин. Он едет в нашем вагоне. Все эти дни он со своими бойцами восстанавливал разрушенное полотно, путевое хозяйство. – Женщины хватают детишек да в кювет и в лес. А то и в чистое поле. А они, гады, из пулеметов по ним...

Тюрин замолчал, глядя в окно. Молчали и мы.

– Вот и сейчас место проезжать будем, – привстал вдруг политрук. – Детдомовцев разбомбили. Два прямых попадания. Пацаны-то даже из вагонов не успели выскочить... Маленькие такие лежали, будто уснули... А многих – в клочья разнесло. Подъем пути здесь. Машинист снижает скорость. Вот и подстерегли...

Наш эшелон пошел медленней, тяжелей.

– Вот она, их братская могила, – сказал Тюрин, и я увидел свежий холм земли между двумя обгоревшими вагонами. На крыше одного из них угадывался красный крест.

– Пособирали ручки, ножки, да и закопали...

– Не трави ты душу, политрук, – сквозь зубы процедил Васильев. – И без тебя тошно.

– Злей воевать будешь, – тихо сказал Тюрин.

Невеселым оказалось наше возвращение. И все же, что ни говори, мы вернулись домой. Шахтеры получили обещанные двое суток увольнения и тут же уехали. Остальные батальоны, по распоряжению обкома партии переведенные на казарменное положение, также получили сутки отдыха. Отдав необходимые распоряжения, я поехал в обком партии. Вместе со мной был и командир косогорцев Николай Петрович Ведерников. Принял нас второй секретарь Александр Владимирович Калиновский. Объяснить себе, откуда этот невысокий, худощавый человек брал жизненные силы, энергию, я не мог. Он поспевал везде, иногда мне казалось, что ему удавалось одновременно появляться в совершенно разных концах области. Когда он спал, ел, бывал дома, я не знал. Он все время работал.

– Садитесь, друзья, – Калиновский быстро пошел нам навстречу, едва мы заглянули в дверь кабинета, энергично пожал руки, усадил. Он похудел за те дни, что мы не виделись, глаза, и так глубоко посаженные, ввалились еще больше. Значит, и он не двуличный, подумал я. Значит, тоже устает.

– Что разглядываешь, Анатолий Петрович? – засмеялся он, уловив мой оценивающий взгляд, – и так красавцем никогда не был, а тут... – он махнул рукой. – Рассказывайте.

Я доложил о проделанной работе, назвал потери – трое убитых, восемнадцать раненых.

– Для двадцати фугасных бомб, пятисот зажигалок, для десятков обстрелов с воздуха вы еще дешево отделались, – сказал Калиновский. – И все же жаль людей. А в ваше отсутствие здесь много событий произошло.

Вот что рассказал нам Калиновский.

6 октября соединения гитлеровцев заняли Карачев и Брянск. Для того чтобы остановить продвижение противника к Москве, Ставкой Верховного Главнокомандования по воздуху в район Мценска в течение трех суток из резерва был переброшен корпус под командованием генерала Лелюшенко. Совместным решением командующего войсками Московского военного округа генерала Артемьева и бюро Тульского обкома партии по тревоге подняли 3,5

тысячи бойцов истребительных батальонов и 2 тысячи курсантов оружейно-технического училища и направили в корпус Лелюшенко.

– Так что почти все твои бойцы уже побывали в деле, – я выжидательно глянул на Калиновского. Он понял мой немой вопрос. – Отзывы хорошие. Туляки стоят крепко.

13

ктября пала Калуга, за ней, 17 октября, – Калинин.

– 13 октября начались ожесточенные бои на Московском направлении, – продолжал Александр Владимирович, – не считаясь с потерями, враг рвется к Москве. Наши войска в районе Мценска пока прикрывают Тулу. Вчера состоялось собрание городского партактива.

– Читайте, – Калиновский протянул нам по листу бумаги. Читаю: «О текущем моменте и задачах парторганизации.

Решение Тульского городского партийного актива от 16 октября 1941 года.

Фашистские захватчики, неукротимые в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине, бросают в бой все новые банды озверевших гитлеровских разбойников... – быстро пробегаю глазами текст. – За оружие, товарищи коммунисты!

Собрание партийного актива требует от всех коммунистов и комсомольцев встать каждому, кто способен носить оружие, в ряды бойцов и вместе с доблестной Красной Армией оборонять наш город, защищать нашу свободу и честь, жизнь наших семей...

Победа будет за нами».

– Вот тебе два экземпляра резолюции, – Калиновский протягивает мне листы, – прочтете в батальонах.

В городе должен быть революционный порядок, железная дисциплина – ответственность за это ложится на всех и на твои батальоны.

– К тебе, Николай Петрович, разговор особый, – повернулся Калиновский к Ведерникову, – мы решили на твой батальон возложить охрану Косогорского металлургического завода. Ты назначен начальником обороны объекта. Трусов, паникеров, провокаторов – обезвреживайте всеми силами. Помогите директору завода Попову в организации эвакуации. Кстати, как он, позаботился о вас?

– Пожалуй, лучше всех, – ответил за Ведерникова я. – Одед в телогрейки, выдал ватные брюки, обул. Цех ширпотреба патронные сумки изготовил на тысячу патронов... Где-то армейские ремни раздобыл. Так что косогорцам многие могут позавидовать.

– Вот и отработаете директору за его заботу, – улыбнулся Калиновский. – Задача ясна?

– Понял, Александр Владимирович, – сказал Ведерников.

– А тебя, Горшков, уже ждут в управлении. Наводи порядок в своем хозяйстве, сейчас это – главное. Твоих людей отдали Лелюшенко. Побывай в райкомах. Все батальоны – на казарменное положение. Вооружать, обучать, комплектовать столько, сколько успеешь! На твоих орлов большая надежда. Паника кое-где, мародерство начинается... Организуешь круглосуточное дежурство, график завтра к тринадцати ноль-ноль мне на стол. Идите! – и Калиновский попрощался с нами.

У обкома мы с Ведерниковым расстались.

У меня чудом сохранились воспоминания бойцов Тульского рабочего полка, написанные по моей просьбе после того, как фашистов погнали от Тулы. Чудом, потому что после обороны Тулы были Брянские леса, Белоруссия, Югославия... Я привожу эти воспоминания почти полностью. Думаю, что они помогут читателю глубже окунуться в обстановку тех тревожных дней.

«Майору т. Горшкову А. П.

**от бойца Тульского рабочего полка Александра Тимофеевича Алексева.
22 января 1942 года.**

В воскресенье, 22 июня 1941 года, должен был состояться очередной тур розыгрыша первенства области по футболу, и мы всеми пятью зачетными командами (детская, подростковая, юношеская, вторая и первая взрослая – всего человек шестьдесят) в самую рань, заняв целый вагон поезда на узкоколейке, отправились на металлокомбинат. До стадиона добрались быстро и весело, там еще никого не было, и мы ломали головы, как «убить» время до 10 часов, когда начинали игру детские команды. Вдруг послышались громкие восклицания – это подошли несколько человек из «Металлурга», и они очень удивились, что мы приехали всем составом в такое время. Мы напомнили, что сегодня игровой день, металлурговцы переглянулись и сказали одно слово: «Война?»

Что же делать? Конечно, в Красную Армию, кому вышел возраст. На обратном пути младшие ребята смотрели на нас с завистью – они-то, мол, в военкомат, а нам какво? Не доросли.

Война нам казалась лишь поводом для совершения подвигов. Но кто-то из пассажиров охладил: глупый, мол, народ, война – это вам не игрушка. Это — горе народное. В это не верилось и не хотелось верить. Как хороши были парадные войны в кино! Кровь и горе? Конечно, не без этого, но где-то там, за экраном. Но на фронт нас не взяли, и поехали мы, добровольцы-студенты Тульского механического института и школьники старших классов, под Дорогобуж на строительство оборонительных сооружений.

На месте выяснилось, что будем рыть противотанковый ров. И не было ему конца и края. Казалось, что, начинаясь от Балтики, он проходил через Дорогобуж до самого Черного моря. Танки здесь не пройдут. Разве через такие ямины можно пройти? Такая уверенность удешевляла силы. Норм не признавали, работали от зари до зари.

В конце июля под вечер подошли красноармейцы без строя и песен. Все запыленные, в выцветших, белых от соленого пота гимнастерках, усталые. Многие с грязными повязками в бурых пятнах. Один из красноармейцев сказал, что надо уходить — фашист-то под Вязьмой. Может, и успеем выскочить, если быстро доберемся до Баскаковки. Шли без отдыха больше двух суток. Красноармейцы ободряли, поддерживали. И мы вышли ночью к Баскаковке. Нашли состав из платформ. Паровоз под парами. Красноармейцы остались, объединившись с теми, что находились на станции, а мы, не успев даже попрощаться с ними, — на платформу и спать. Спали не меньше суток, благо не было дождей. Возвращение к бытию было не очень приятным. Казалось, нет такой косточки, которая не треснула, нет мышцы, которая бы не болела.

Мы шли босиком по песчаной Смоленщине, в ботинках идти невозможно, потому что набивался песок. С удивлением глядели на подошвы босых своих ног, сплошь покрытых толстым слоем омертвевшей кожи.

Добрались до Тулы. И снова вопрос: что же делать?

В военкомате отвечали одно: призовут, когда понадобится. На базе военно-морского клуба, что на Менделеевской, организовали что-то вроде истребительного батальона. Пошел и я. Набралось человек с полсотни. Нам выделили трех инструкторов Осоавиахима. Получили противогазы, штук двадцать учебных винтовок со штыками и три или четыре боевых. Старший инструктор объявил выход на учения в район Косой Горы. С собой взять двухнедельный запас продовольствия или деньги для его покупки. Утром пошли и к обеду были у цели.

Построили шалаши из веток, пол устлали сеном. На ночь выставляли караульных, днем – дневальных. Учились ходить строем, штыковому бою и стрельбе.

В начале октября старший инструктор доставил нас в Тулу. Двух других отозвали еще раньше. Распрощался он с нами — мобилизация! — оставил противогазы и учебные винтовки без штыков. Несколько дней собирались в клубе. Состав нашего отряда заметно уменьшался, и в конце концов я ушел из клуба, никого не дождавшись, хотя и ждал допоздна...»

17 октября, утром, я, наконец, вернулся в свой кабинет в управлении НКВД. В папке лежали донесения с мест:

«Бойцами истребительного батальона в с. Дедилово эвакуированы деньги и облигации из Дедиловской районной сберкассы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.